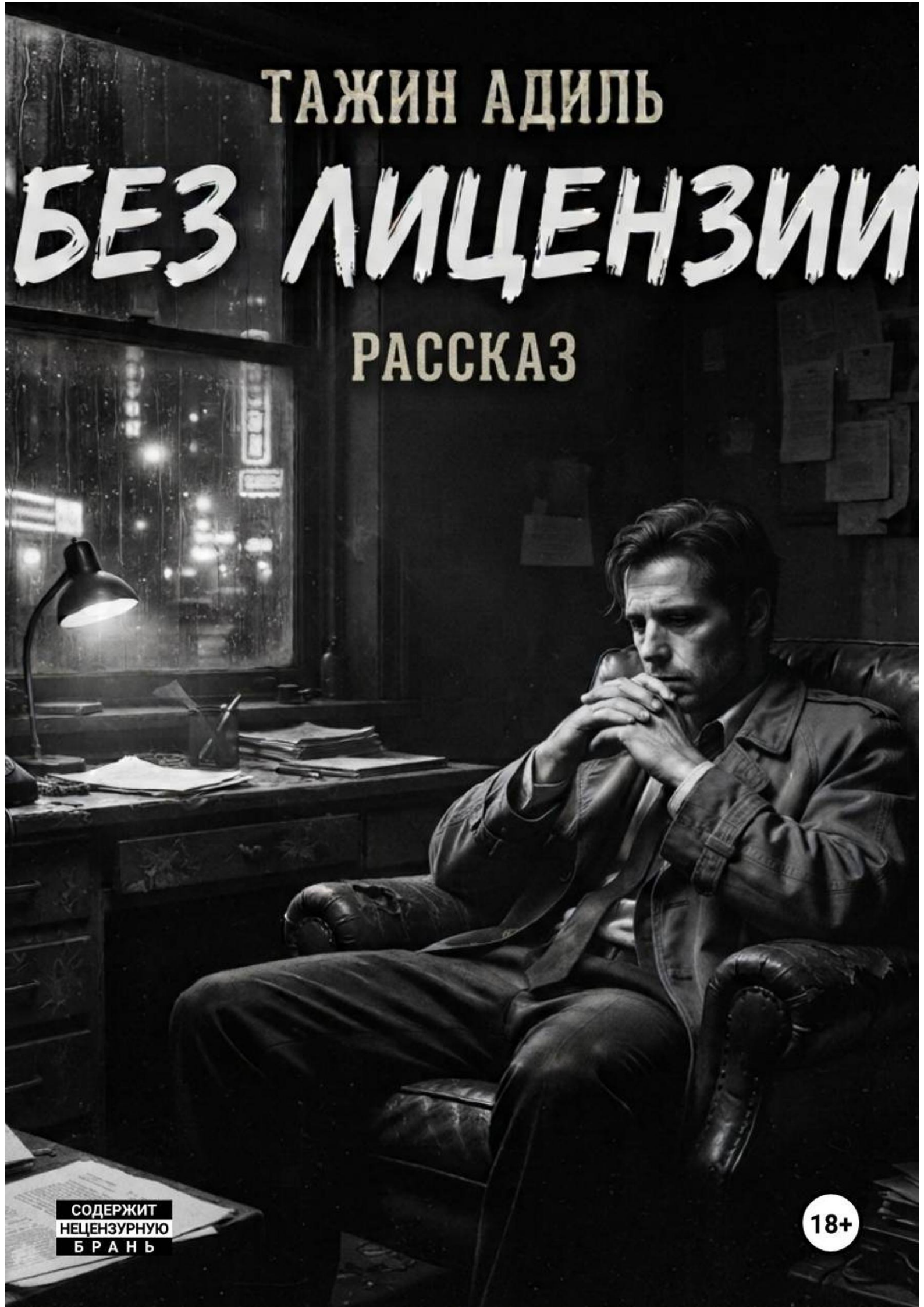

ТАЖИН АДИЛЬ

БЕЗ ЛИЦЕНЗИИ

РАССКАЗ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Адиль Тажин
Без лицензии

«Автор»

2026

Тажин А.

Без лицензии / А. Тажин — «Автор», 2026

В городе, где дождь смывает только следы крови, а не грехи, каждый звонок в дверь — это приговор. Адвокат, потерявший лицензию, но сохранивший совесть, берется за дело ради памяти о прошлом. Сможет ли он найти истину, когда сама реальность рассыпается под ногами, как пепел от его последней сигареты?

© Тажин А., 2026

© Автор, 2026

Адилъ Тажин

Без лицензии

...Дождь шел вперемешку со снегом, как будто решив создать какой-то новый вид осадков. Падая, снег таял, добавляя воды на улицы города и стекая грязными реками по тротуарам. На улицах было пусто, ибо какому нормальному человеку придет голову шататься по такой погоде в середине недели, в четверть десятого вечера по улице, вместо того, чтобы сидеть дома или в баре? Для этого надо быть полным идиотом. Однако, как минимум одного такого идиота я знал точно – им был я.

Дойдя до старого офисного здания, я усмехнулся. Оно мне напоминало меня – то есть оно старалось показать себя более успешным, чем оно есть, но вряд ли это многих обманывало. Обойдя его, я привычно нашел крыльцо, около которого какая-то, больно добрая, душа вечно кормила кошек, отчего я был далеко не в восторге. Я не очень люблю кошек, чтобы там ни говорили об их очаровании. Вероятно, причиной тому было то, что в душе я романтик, и собачья верность мне ближе. К счастью, дождь разогнал кошек.

Наконец-то я вышел из душа, устроенного природой, и, зайдя на крыльцо, пошарил в кармане, ища ключ от офиса. Я знал, что хозяева еще не сменили замок, потому что охотников снимать такую дыру было мало. Дверь заскрежетала, открываясь со звуком, который заставил мою похмельную нервную систему взвыть, словно пожарная сирена. Зато, открывая дверь я отметил, как положительный факт, что мои руки не дрожали, хотя вполне могли бы – после недельного беспрерывного запоя.

Наконец я вошел в унылую комнату, которую снимал лишь по одной причине – вроде бы у меня должен быть офис, если я адвокат. «Черт!», поправил мысленно я себя: «Был адвокатом». На данный момент я уже им не был, и не имел ничего, кроме долгов и осознания того, что, если я не прекращу пить, то загремлю в дурку.

Плюхнувшись в старое, продавленное кресло я закурил...

Надо бы подумать, как жить дальше, но думать было лень. Мысли тонули в похмелье, как мухи в патоке...

Звонок в дверь заставил меня дернуться, как от удара током...

Минуты две я посидел в надежде на то, что этот некто уйдет и оставит меня спокойно дрожать от похмелья наедине со своими похмельными бреднями. С похмелья мне в голову всегда лезет всякая ерунда, вроде того, что Мэриан Шеннон из нашей школы – единственная любовь моей жизни. Это чистый бред, потому что я с ней даже не встречался. Просто стеснялся заговорить с ней, и лишь пялился на неё, как последний дурак. Правда, ее сестра Энн, которую я как-то встретил в молле, рассказала мне о том, что я ей нравился. Правда, рассказала об этом она чуть поздновато – мне было уже 37. При этом она поведала радостным тоном о том, как Мэриан счастлива в браке, какие чудесные у нее дети, и что живет она теперь в Гаррисберге. По этим мыслям вы теперь понимаете, какая чушь лезет мне в голову с похмелья.

Однако этот некто за дверью был настойчив и продолжал звонить. Звуки звонка мерно бились о мой мозг, как волны о берега Уэльса. Было ясно, что посетитель не уйдет. Мысленно плюнув, я пошел к двери.

Открыв ее рывком, я оглядел стоящего передо мной гостя. Нет, стоящую, поправил я себя. Перед мной стояла девушка не старше 22-23 лет, вся мокрая от дождя.

- Морган? Вы ведь Артур Морган? – спросила она, глядя на меня большими, голубыми, как озеро в ясный день, глазами, полными веры в доброе человечество.

На её прямой детский вопрос я не стал врать. Меня действительно звали Артур Морган. Многие усмехались: «Фамилия как у пирата, а имя как у короля!». Я не возражал. Пират Морган тоже был родом из Уэльса, как и мои предки, а имя Артур носил, как вы все помните,

король из легенд, который сражался против саксов за свободу Уэльса со своими рыцарями Круглого стола.

Я ответил:

- Да, мэ, это я.

- Адвокат Морган? – с надеждой спросила она, глядя на меня огромными наивными глазами.

«Во-от! Отличный способ избавиться от нее и остаться наедине со своими неудачами!», решил я и рубанул сплеча правду:

- Мэм! К сожалению, я уже 2 недели, как не адвокат! Меня лишили лицензии и с треском вышибли! Так что вы можете искать себе другого адвоката! Хотите еврея? Они классные профи! Хотите, я вам дам адрес Бена Левина?

Я не врал. Бен действительно классный адвокат, и многому научил меня, когда зеленым тридцатилетним мужиком, бросив преподавать, ушел в практику. Характер у него не мёд, и дерёт он с клиентов будь здоров, но работает на совесть, и, в конце концов, зачем мне жалеть чужие деньги?

Её глазища подозрительно поплыли...

«Боже! Никак она будет плакать!», с отвращением подумал я. Не выношу женских слез! Многие этим пользовались, и я, как дурак, велся на них.

Она, всхлипывая сказала:

- Но Макс у нас дома, в Миннесоте, сказал, что вы лучший адвокат в Чикаго и вы мне обязательно поможете!

- Макс?! Миннесота?! – схватив её за плечи, прорычал я.

- Ну да, Макс. Макс Лингрэн – мой двоюродный брат. Он служил с вами в армии, - робко пролепетала она.

- Проходите, - сказал я и открыл дверь настезь. Она несмело прошла вглубь прокуренного офиса, где запах виски мешался с никотином. Я молча кивнул ей на стул напротив своего кресла, и, снова сев на свое место и мрачно закурив, задумался. Она робко села и молча смотрела на меня, как кролик на удава.

Я молчал, как в немом кино, и думал: «Макс.. Макс Лингрэн. Сержант Лингрэн... И это его двоюродная сестра.»

Мы служили с Максом, это правда, и вместе мы прошли путь от дня «Д» до Эльбы. Я уважал его. Коренастый и немногословный сын фермера, он был упрям и немногословен, как его шведские предки, которые, переплыв океан, вспахали эти прерии. Он был хорошим солдатом. Настолько же хорошим, насколько я сам был плохим. Как ни странно, мы дружили. Он уважал во мне то, чему я не придавал значения, а именно то, что я «городской», окончил колледж и считал, что я умен.

Он спас мне жизнь, когда немцы, прорвав в Арденнах нашу оборону во время контрнаступления, рвали на куски нашу роту. Танки резали нас, как горячий нож холодное масло. После авианалета они пошли в атаку на нашу пехоту. После взрыва я, оглохший и раненый осколком в бок, лежал на земле и отрешенно наблюдал, как танк катится прямо на меня. Спас меня Макс – он вылетел, как джип в мультике, из траншеи и хладнокровно швырнул под гусеницы две связки гранат, подбив немца. Затем он оттащил меня в траншею и перевязал, не дав истечь кровью до смерти. Потом он с остатками роты продержался до того, как пришли наши.

После войны мы больше не виделись. Дважды он звонил мне, и был рад, что я стал адвокатом. Сам он вернулся на ферму, о чем мечтал всю войну.

Всё это крутилось у меня в голове, пока я курил. Я понял, что его сестре, которой он наплел о том, какой хороший армейский друг-адвокат есть у него в Чикаго, и о том, что он всегда поможет, если он попросит, я должен помочь. Я понял, что помогу ей, чего бы это мне ни стоило. Я не могу предать Макса, и должен вернуть ему хоть часть того долга за Арденны...

- Итак, что у вас случилось, мэм? И как, извините, вас зовут? – спросил я.

- Синди. Синди Лингрэн, сэр, - несмело ответила она, теребя в руках дешевую сумочку белого цвета.

Я встал и включил свет разбитым выключателем, привычно остерегаясь оголенной проводки возле него. Желтое солнце тусклой лампочки, висящей на двужильном проводе, осветило ее, меня и комнату без окон. Лучше бы она этого не делала... Пивные банки, забытые окурками, подозрительные пятна на столе, прожженном сигаретами и, как вишенка на торте, несколько пустых бутылок дешевого виски, валяющиеся тут и там, словно тела после сражения.

«Мдаа...», подумал я. «Мало похоже на офис лучшего адвоката Чикаго! Мало!».

Сам я тоже был отнюдь не красавец. Недельная щетина, красные глаза с лопнувшими прожилками, отекавшее лицо. Нет, когда я не пью пару недель – а я могу это сделать, могу даже держаться пару месяцев – я выгляжу неплохо. Шесть футов роста, и вес соответствующий, темные волосы и карие глаза. Чуть тощий, да. Сегодня особенно, потому что я практически не ел уже неделю. Зачем? В виски достаточно питательных веществ! Иногда женщины, обманутые моим периодом трезвости, считали меня симпатичным. Я неглуп, умею поддержать разговор. О да! Чего-чего, а языком я трепать умею! Да и память моя настолько набита разными ненужными сведениями, типа стихов, как Бруклин – хасидами. Я мог начинать отношения и, разумеется, всегда портил их сам, очередным запоем. В свое оправдание скажу только одно. Я уважаю женщин и не бью их, хотя иногда думаю, что это, быть может, моя ошибка. Видимо, кровь рыцарей Круглого стола всё же есть во мне.

Я посмотрел на нее. Невысокая, волосы цвета спелой пшеницы, веснушки, стройная фигурка и ножки. Одета в голубое дешевое платье. На ногах туфли на низком каблучке.

- Ладно, - сказал я. – Рассказывайте, я же попросил вас! Что случилось? И как там Макс? Этот вопрос помог ей ступить на твердую почву:

- Хорошо. Макс хорошо, сэр. Он женился, и него трое детей. Он работает на своей ферме с дядей Джо.

«О Боже! Она так и будет говорить мне «сэр»!», с отвращением подумал я. Это напомнило мне о том, что мне уже 42 года, и я пьющий бывший адвокат, только, что лишенный лицензии.

- Синди, не зови меня «сэр», хорошо? Называй меня просто «Артур», а я тебя буду звать «Синди», - сказал я.

- Хорошо, сэр. Ой, то есть Артур!

- Итак, что же случилось, раз у Макса все в порядке?

- У меня проблема, Артур. Моя подруга пропала. Мы вместе снимаем квартиру здесь, в Чикаго. Мы учимся на бухгалтеров, она из Луизианы, из Батон-Руж.

- Точно пропала? Может, она просто уехала с парнем и не сказала тебе?

- Нет! Она ушла вечером в магазин, неделю назад, и не вернулась! А через два дня пришел мужчина и отдал мне это письмо.

Она полезла в сумочку и достала дешевый конверт, вытащив из него смятый лист бумаги. На нем пьяным и пляшущим, как ирландец в День святого Патрика, почерком было торопливо написано: «Дорогая Синди, я возвращаюсь домой в Батон-Руж. Спасибо за все. Не ищи меня. Твоя Луиза Леблан».

- Луиза? Ах, да! Луизиана! Креолка! Ну, и что тут плохого?

- А то, Артур, что ее отец, мистер Леблан, звонил нам на квартиру вчера и попросил позвать Луизу к телефону. Он страшно удивился, когда я сказала, что она поехала домой, и сообщил, что дома ее нет. С ней случилось что-то плохое! Она даже не думала уезжать. Мы с ней прожили два года вместе! Мы сдружились в колледже потому, что на всем курсе только мы были неместные! Она была мне как сестра! Помогите мне её найти.

Я задумался. Дело показалось мне непростым. Где же ты, пылкая креолка? Хотя... Хотя оставался ещё тот мужчина, что принес письмо. Зачем его приносить на квартиру? Почему не телефон или почта? Почему просто не сказать подруге? И какой Батон-Руж, раз уж за неделю она туда не добралась? Вопросов, конечно, много, и их пока что больше, чем ответов...

Я снова погрузился в свои мысли. Из nirваны меня вырвал голос Синди:

- Артур, а сегодня вечером этот мужчина пришел снова. Он сказал, что Луиза забыла важную вещь, и он хочет забрать её. Я сказала, что не пушу его вовнутрь, и он ударил меня!

-Что?!

-Да. В живот!

Я почувствовал, что во мне вскипает кровь. Ненавижу тех, кто бьет слабых!

Я почти проорал:

- И что дальше?

Синди испуганно пролепетала:

- Было очень больно. Он начал переворачивать всё в квартире. Я отползла в коридор, и, схватив одежду и сумочку, выскочила на улицу. Когда я бежала вниз, он заорал, чтобы я вернулась! Я поймала такси и поехала к вам.

Дело начинало приобретать личный мотив.

- Чёрт! Кто бы он ни был, никто, слышите, никто не имеет права бить сестру Макса!

Мне захотелось ударить этого человека. Бить долго и с наслаждением, а потом переломать ему его поганые руки!

От этой розовой мечты меня отвлек скрежет входной двери. Я поднял глаза и увидел, как Синди, обернувшись, испуганно вскрикнула. Человек, которого увидели мы пристально смотрел на нас. По реакции Синди я понял – Это ОН!

- Вот ты где, кукла! Думала сбежать к хахалю от меня?!

Голос был такой же гнусный, как и он сам.

- Эй, потише! – рявкнул я в ответ.

- Заткнись! А ты, кукла, пошла со мной! Живо!

Сказав это, он схватил Синди за руку, рывком поднимая ее на ноги со стула.

Я вскочил и резко ударил его в челюсть. Удар достиг цели, но похмелье сыграло со мной злую шутку – сил у меня было не больше, чем у котёнка, и его голова лишь мотнулась в сторону, и он, вместо того, чтобы упасть, как подкошенный, отбросил Синди в угол и ударил в ответ. Уйти от его хука я не смог, и получил в челюсть. Зубы лязгнули, и рот наполнился соленым вкусом крови. Ноги подкосились, но я не упал. Я слишком люблю противоречить людям! Зарычав, как голодный гризли, я навалился на него всем своим весом. Он попытался ударить меня коленом в пах, но я подставил свой бок. Ребра затрещали, однако я был тяжелее и врезал ему в печень. И снова слишком слабо! Он лишь отшатнулся с гримасой на смуглом узком лице и выхватил нож. Серебряной рыбкой нож метнулся к моему сердцу. Неуклюже уклонившись, я подставил руку и почувствовал острый ожог. Словно раненый бык, я бросился вперед и ударил его головой в живот. Он согнулся от боли. Момента упускать было нельзя! Схватив стул, я обрушил его на затылок ублюдка. Стул был старый – слава Богу, я покупал не модную плетёную мебель, а старье с распродажи, и стул был по весу, как «Титаник». Незнакомец пошатнулся и рухнул лицом вниз на заплыванный пол офиса. Я пинком перевернул его и, подняв ногу, с наслаждением опустил её на лицо этого уродца. Бинго! Я буквально услышал, как хрустнула переносица! Моё сердце билось, как бешеное, и я без сил сел на стол...

Тишина в офисе нарушалась лишь шумом дождя на улице, воем полицейской сирены и всхлипыванием Синди в углу.

- Ты убил его, Артур? – спросила она с дрожью в голосе.

Я опустил на колени и пальцами потрогал артерию на шее лежащего.

- Жив, ублюдок. Не бойся.

-Тебя арестуют?

Я усмехнулся ее наивности.

-Это вряд ли. Наш приятель явно не из тех, кто заявляет в полицию.

Я быстро обыскал его. В кармане пижонского костюма лежала пачка денег в золотом зажиме и водительские права на имя Виктора Луканиа. «Макаронник», подумал я, и, взглянув на мягкую фетровую шляпу и нож, понял, что это верная догадка. На вид ему было лет 30. «Мдаа...», подумал я, «Времена Капоне вроде бы прошли!». Однако я знал, что ошибаюсь. Мафия по-прежнему была реальной силой в городе. Это ведь они выиграли в 30-х войну за контроль над городом и, несмотря на всю трепню ФБР, по-прежнему имели долю в игорном бизнесе и прочих милых играх, делясь с кем надо куском пирога. Я мог себя порадовать – мало было мне проблем, так я еще и с мафией сцепился. «А-а-а, плевать!», подумал я. Проблемой больше, проблемой меньше – какая разница? Сейчас надо было валить отсюда, причем в темпе!

-Синди! Вставай!

Я рывком поднял ее на ноги и потащил к выходу. Выходя, я обернулся. Итальянец лежал на полу, и кровь из раны на затылке черной змейкой ползла в сторону входной двери, словно вспомнив, что она тоже жидкость и стремясь слиться с водой на улице. Погасив свет, я вывел Синди на улицу. Мой карман приятно грела пачка наличных, заработанных в честном бою. Да, вы не ошиблись! Конечно, я прикарманил деньги этого ублюдка! Теперь нам нужно было сделать самую малость – остаться в живых. Для макаронников это теперь тоже личное дело. Надо было залечь на дно. Полиции я не боялся. Часа через два он очнется и уйдет. Сейчас только полдвенадцатого, значит к утру его тут не будет. Управляющий, увидев утром кровь на полу, только проклянет меня и решит, что я снова грохнулся по пьяни и ударился башкой о стол... Да-да, такое уже бывало, и не читайте мне мораль!

Я тащил Синди по улицам и думал, где бы нам спрятаться. Её квартира отпадала сразу, да и моя тоже. К утру итальянцы будут знать с моей дурацкой таблички мои данные и легко найдут мою хибару. И тут меня осенило – Молли! Лишь бы она была дома!

Мы выскочили на улицу, по которой струилась река воды размером с Миссисипи, только с окурками и прочим мусором вместо рыбы. На наше счастье, мимо как раз ехало такси. Я резко махнул рукой, и таксист притормозил. Я открыл дверцу, и, пропустив Синди вперед, сел сам. Водитель, пожилой негр, обернувшись, спросил у меня:

- Куда едем, босс?

- Гони на Девятую!

- Окей, босс!

Откинувшись на спинку сиденья, я расслабился. Синди сидела тихо, как мышь, и не мешала мне думать. Меня охватило то самое чувство, которое я испытывал по дороге в госпиталь после моего ранения – чувство временной безопасности. Да, впереди еще бои, но пока можно расслабиться...

Мы всё ближе подъезжали к нашей цели. За окном начали мелькать те самые пабы, в которых висят ирландские триколоры, и старики в кепках разговаривают между собой на гэльском, как в родном Гэллоуэе, в которых рекой льется "Гиннесс" и виски, и где поют республиканские песни в честь героев «Пасхального восстания». Мы неслись мимо церквей, где после воскресной мессы, пускают по залу шляпу с призывом «На помощь нашим братьям в Ирландии», и служат священники с такими именами, как отец Джеральд О'Райли. Мы ехали туда, где не любят итальянцев, и помнят ту войну, которую ирландские банды вели с итальянцами во времена «Сухого закона» в «ревушие двадцатые». Туда, где в каждой пятой семье есть полицейский. В-общем, мы оказались в сердце ирландского квартала. Сюда макаронники не сунутся, и мы сможем затаиться – лишь бы Молли была дома...

Вы спросите меня – а кто такая эта Молли? Отвечу вам – её зовут Молли Флэнэган. Официантка Молли... В сорок пятом, после дембеля, я крепко напился в одном из баров, и увидел,

как двое парней пристают к официантке. Девчонка оттолкнула одного нахала, и он влепил ей пощечину, от которой она отлетела к стене бара и осталась лежать там. Я тогда был еще крепок, так как в армии мне не давали напиваться настолько часто, насколько мне хотелось. По поводу этого запрета я постоянно конфликтовал с офицерём, сержантами и прочим зверьём, которое нарушало мое конституционное право каждого американца – напиваться в хлам! Ведь, в конце концов, именно за демократию мы сражались с немцами! Короче говоря, я был крепок и зол, и этим убудкам не повезло. Как я говорил вам раньше, я ненавижу тех, кто бьет женщин. Я спокойно подошел к ним сзади, и, не говоря худого слова, разбил об их головы по полной бутылке с виски. Парни упали, и я с удовольствием отпинал их до потери сознания. Затем я сел обратно и стал пить дальше. К закрытию бара я погрузился в блаженное забытие, и все было, как в тумане. Я не помню, как выбрался из того бара. Очнулся я в комнатке Молли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.